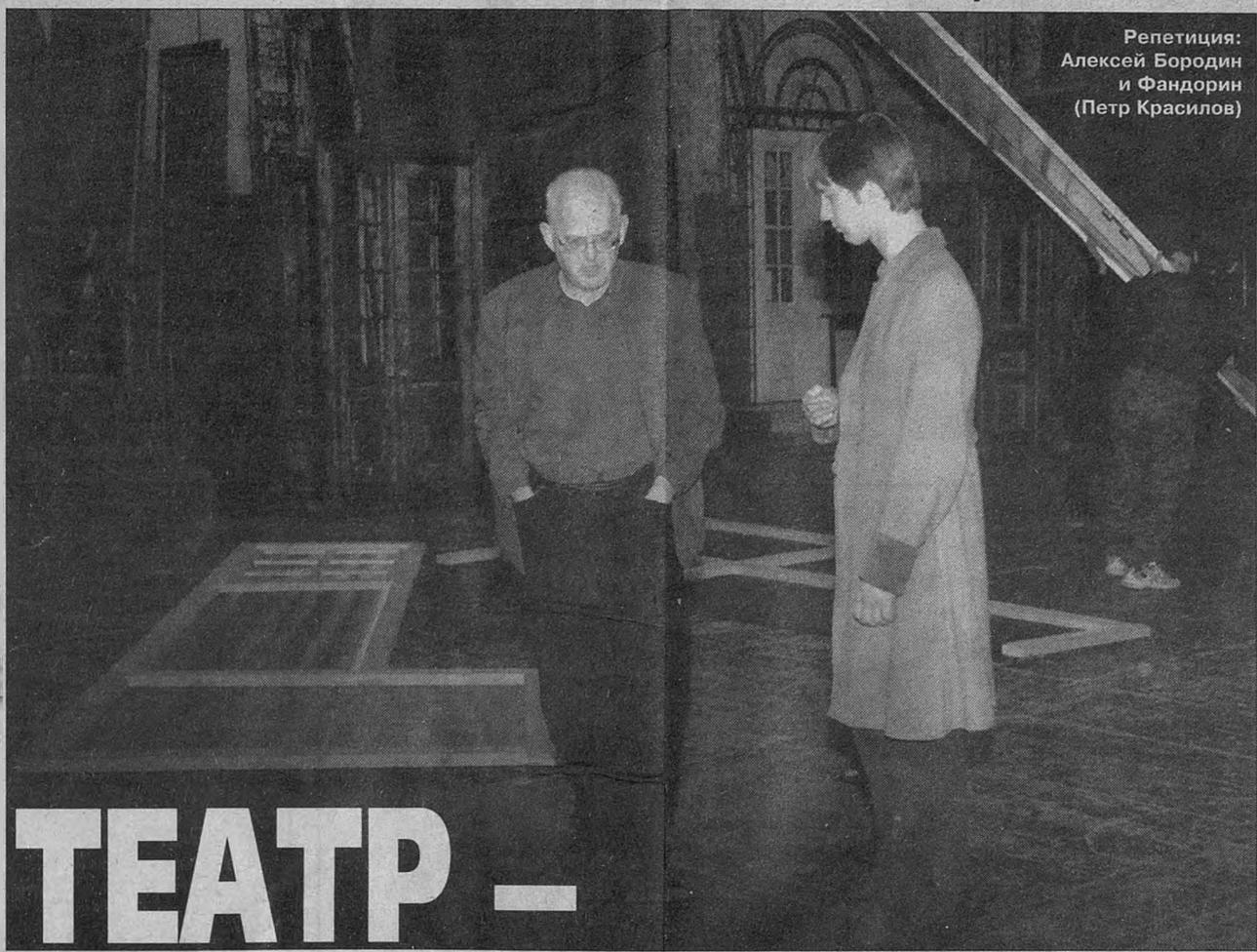


Прошлой весной на сцену Российского академического молодежного театра вышел спектакль «Эраст Фандорин». Театральный «Азazel» отличался от телевизионной версии тем... гм... ну вот именно тем, чем обычно спектакль отличается от телесериала. К тому же это был спектакль детский. Уютная, наивная и веселая, как старая лукутинская табакерка, Москва с Императорским университетом и трактиром «Крымъ»; щеголеватый, деятельный, вызывающий восхищение юношества честолобец Бриллинг (Евгений Редько), странная и печальная фигура леди Эстер (Нина Дворжецкая), семнадцатилетний Фандорин без страха и упрека (Петр Красилов); восхитительная легкость, с которой герои переходили с русского языка на английский и немецкий, страсть к освоению технических новшеств 1870-х, вплоть до печатной машинки «Ундервуд», методичность Бриллинга и энергические действия юного детектива Эраста — все на сцене РАМТа обрело свой истинный смысл и пафос. «Массовая литература» стала педагогической поэмой. Веселой, теплой и занимательной. Назидательность сюжета, его ясную мораль надежно скрыли наклеенные бакенбарды и темные очки — и ничто не мешало морали добиваться своих тайных целей. И выиграть игру. «Фандорин» в детском театре обрел свое истинное место. Что и было оценено... Дебютант Петр Красилов, сыгравший юного Эраста, награжден за эту роль премией «Чайка». «Фандорин» РАМТа выдвинут на Госпремию. «Новая газета» с живым удовольствием еще раз обсудила спектакль с его постановщиком Алексеем БОРОДИНЫМ. В конце беседы выяснилось: «фандоринский» цикл РАМТа в новом сезоне получит самое неожиданное продолжение

Из архива РАМТ

Репетиция:
Алексей Бородин
и Фандорин
(Петр Красилов)

ТЕАТР — НЕ ЧАСТЬ УЛИЦЫ, А ЧАСТЬ ДОМА

А можно ли двигаться в этой жизни как-то по-своему? Мне кажется, самое интересное находят те, кто вышел из строя целеустремленных.

И как сегодня жить так, чтоб не стать ни рядовым абордажной командой, ни брюзжащим, бессильным наблюдателем с социальной обочины? Вот юному Фандорину удалось и то, и другое. Пройти между двумя крайностями помогает культура. Она держит. Она тренирует душу.

— О чем довольно давно не принято говорить вслух. И оттого обновленное общество часто напоминает ребенка, которого уже десять лет воспитывает улица...

— Возможно. Но театр я рассматриваю не как часть улицы, а как часть дома!

Особенно этот театр. Так он все-таки устроен, что мы всегда хотим что-то сказать детям. О чем-то предупредить и от чего-то уберечь. И демаркационная линия между добром и злом в детском театре прочерчена... может быть, менее изысканно, чем во взрослом. Но — более прямо.

У театра «для юношества», условно говоря, есть еще одна черта: именно в этом возрасте вечер, проведенный в театре, может перевернуть душу. Не надо обольщаться и думать, что это произойдет со многими. Но это все же происходит.

— Последний по времени роман Акунина «Пелагия и красный петух» обсуждать не хочется: он представляется самым неудачным у автора. И необъяснимо претенциозным для него: культура держала-держала, да не удержала, допустила до скверно скроенного евангельского самострока. Но оставим «Пелагию»... Какие романы Акунина вы любите?

— В «фандоринском цикле» — «Смерть Ахиллеса», «Коронацию». И очень мне симпатичен роман «Любовник смерти»: помните, Фандорин в начале 1900-х спасает мальчика Сеньку с Хитрова рынка?

— Вот еще один «герой-подросток» — Сенька, сирота и «шестерка» московской «бандитской колоды». При легкой занимательности «хит-

ровского»-«кладовладельско-го» романа там есть о чем предупредить и от чего уберечь зал РАМТа-2003. Вы не хотите продолжить «фандоринский» цикл?

— Хотим... Собственно, мы и продолжаем. Вот у меня на столе рукопись новой пьесы Акунина. Это не инсценировка одного из романов. Это пьеса о Фандорине, написанная специально для нашего театра. Она называется «Инь и Ян». Автор считает, что пьеса готова — но и не готова... Впрочем, в подробности я пока углубляться не могу. И не буду.

— Это Фандорин на Востоке?

— Это Фандорин, вернувшийся с Востока. Это Москва начала 1880-х. Там впервые появится его камердинер Маса. Нет, ничего больше не рассказываю. Но если спектакль, дай бог, будет — он будет камерным. И будет совершенно непохож на первый.

● Беседовала
Елена ДЬЯКОВА

Спектакль
РАМТа «Эраст
Фандорин»
вскоре получит
продолжение.
И притом —
самое
неожиданное!

Алексей БОРОДИН:

цию... И в этой сцене штоса зал — замирает. Иногда они играют, пока на самом деле кто-то не выигрывает. Я сержусь за кулисами: сколько же можно?! Но зал почему-то следит за ходом партии...

— Мне кажется, ваш спектакль узаконил главную особенность «фандоринского» цикла: это ведь детские книги. Место Эраста Петровича — в одном ряду с Диком Сэндом и капитаном Бладом. Тем более что в этом-то именно ряду читающему русскому ребенку всегда так не хватало героев-соотечественников! Не хватало и Москвы, столь же условной и столь же «педагогически симпатичной», как Париж Дюма и Лондон Конан Дойля...

— Я поздно начал читать Акунина. И внутренне, скорее, сопротивлялся моде, чем следовал ей. Однако 17-летний Фандорин пленил меня именно внутренней независимостью от «общих мест» его времени: это очень важный мотив «Азazel»! У мальчика есть нечто, остро ему интересное. Есть свои представления о жизни. Свой кодекс чести. Свой суд над собой.

И вот эта тема мне сегодня кажется очень важной.

Потому что сегодня устоять под напором времени, слышать его диктовки — труднее, чем двадцать лет назад. Вдруг всем стало предельно ясно, как надо жить. Сформировался четкий кодекс. И верят этой новой ясности куда искренней и куда пламенней, чем прежде.

— Алексей Владимирович, театру было весело работать над «Фандоринским»?

— Да, очень! В этом спектакле уютно. В этом спектакле азартно играют и те, у кого небольшие роли: опытный московский сыщик Грушин, отчаянный гусар Зуров или даже степенный швейцар университета. Там ни на минуту нельзя было предавать саму историю ради ее эстетизации. Я говорил актерам: «Что самое главное в детективе? Детектив!».

Но в эту игру вписались и другие, тайные игры. У Акунина обыгран русский классический литературный контекст. У нас — театральный контекст. И тоже — русский классический.

Вот поезд, который идет на зал в конце первого акта, — это цитата из «Анны Карениной» в постановке Немировича-Данченко с Аллой Тарасовой. Я помню, как я, подросток, чуть не умер на мхатовском спектакле, когда этот поезд шел: три фонаря грозно надвигались на публику — и разбегались... И сделан наш паровоз по чертежам того, мхатовского. Только тогда не было дымовых машин, а у нас они есть — поезд Фандорина еще и окутан паром!

Ужасно интересно было изучать игру в штос. И мы занимались этим серьезно! Мы ходили в казино «Golden Palace», нам давали мастер-класс штоса...

— Ну, «Golden Palace» на игру в карты у конногвардейца Нарумова вряд ли похож...

— Что вы! Там такой увлеченный главный крупье! Он очень научно ко всему подходит! Мы ксерокопировали энциклопедию азартных игр, нам прочли лек-